

К юбилею Ирины Купченко

СТРОГИЙ ТАЛАНТ

Независимая газета, -1998, -3 марта, -с. 7

Вера Максимова

ВРЕМЕНА «монахинь» русского театра — наподобие великой Ермоловой — миновали. Живем разнообразно, не боясь греха. И — интересничаем. Даже самые умные и даровитые из женщин нашего театра. Одна, например, все пишет о своей бессоннице и о том, как призрачно-мистически смотрится по ночам старая московская площадь из окон квартиры на Тверской. Пишет о кошках, цветах, одиночестве, о «мольбертике» с начатой аж сорок лет назад акварелью (не единственной ли?) и еще о том, как дивно звучит голос в старых греческих амфитеатрах.

Другая, опростившаяся до толстовского босоножия, до простоволосости, расхристанности замученной полными работами русской крестьянки, повествует о сборе грибов, о том, как квасить капусту, делать запасы и жить «натуральным хозяйством» в загородном доме-избе.

Третья — великолепная, мощная, серьезный и умный мастер — ничего особенного не пишет. Только вдруг берет да и поворачивается в очевидно бессмысленном спектакле задом, массивными из-под коротенькой юбочки ляжками прямо в зал.

Знаменитая Ирина Купченко, одна из самых малоиграющих актрис Театра им. Евг. Вахтангова, живет замкнуто. На контакты с посторонними, чужими (в том числе и с прессой) решается неохотно. Обитает на даче с одним из двух взрослых своих сыновей.

Совершенно неизвестно, с кем она дружит, что любит. Какое «хобби» у этой «не публичной» актрисы в эпоху телевизионно-газетных откровений, самообъяснений и продвижений себя.

Строгость и замкнутость по инерции представлений об актерской профессии вызывают недоверие, подозрение в притворстве, позе. Актрисе подобает легкость, беспечность, очаровательная экстравагантность. Ведь не мешала Ольге Леонардовне Книппер — лучшей исполнительнице чеховских женщин в Художественном театре — ее красивая богемность, ночные ресторанские праздники после самых мучительных премьер?

В хрупкой и строгой Купченко, в ее зримой аскезе можно было бы предположить «сотворенную» (как у многих популярных — актрис) маску звезды, намеренную загадочность. Если бы не была она так естественна и проста, так очевидно равнодушна к производимому впечатлению, вообще — к внешнему.

Купченко — актриса органическая. Не та, которая с молодых ногтей желает профессии, борется, поднимаясь со ступени на ступень, восполняя недостаток дарования трудом, волей, иногда и интригой.

Купченко существует в профессии как дышит. Сегодня после двадцати пяти лет профессиональной работы — стала ли она более умелой, оснащенной? Разве что более свободной. Ведь свою знаменитую роль Лизы в фильме «Дворянское гнездо» у режиссера Андрея Кончаловского она сыграла будучи студенткой Театрального училища имени Б.В. Шукина. И при всей неопытности создала образ, близкий к идеальному воплощению. Это ясно по прошествии многих лет.

С юности работавшая с выдающимися режиссерами театра и кино — Кончаловским, Райзманом, Мотылем, Михалковым, Стуром, Фоменко, другими; игравшая с великими актерами — Смоктуновским, Бондарчуком, Ульяновым достойно их, она попала в Вахтанговский театр в не лучшую для него пору — исторического и эстетического промехотка. Но и там заняла особенное положение — не только «народной» по званию, присвоенному государством, но *большой* драматической актрисы, аналога которой, пожалуй, и нет.

Противники и завистники, имея в виду ее «странность», — «монашество», «аскезу», растворенную в облике печаль, не покушаясь на очевидное и сильное ее дарование, поговаривают потихоньку — не скучна ли она, *такая*, для сцены?

Между тем состав дарования и индивидуальности актрисы сложен, контрастен, разнообразен. О сочетании в ней «хрупкости и силы» писал творчески увлеченный Купченко Иннокентий Смоктуновский.

Ее выделила, отметила Мария Александровна Дурасова — крошечка Мэри в легендарном «Сверчке на печи» в первой студии Художественного театра. В «Сверчке» играл сам Вахтангов. Свидетельница великих вахтанговских откровений в трагедии — «Эрике XIV», «Росмерсхольме», «Гадибуде» — Дурасова оценила громадность, по размеру трагедии, темперамент молодой актрисы, великолепный «орган» ее звучания — низкий виолончельный голос, редкой красоты тембр, равного которому, пожалуй, сегодня на нашей сцене и не найдешь. Немногословная в жизни, Купченко великолепно говорит на сцене. Она сегодня является носительницей безупречного русского языка — музыкального и идеально правильного.

Не поющая, она вся кажется музыкальной. Прекрасного роста, тонкая, изысканно хрупкая, она кожей чувствует театральные костюмы: тяжесть траурных одежд пушкинской донны Анны; люющиеся, опадающие с прямых плеч туники античной куртизанки — аристократки Клодии («Мартовские иды»); и кринолин, прошивки, воротнички и рукавички, мерцание и невесомость собольего меха у бледных щек княгини — декабристки Трубецкой.

В нынешнее время диссонансов, разрывов, запоздалых возвращений к «авангарду», в печальное время умаления театральной культуры, Купченко, кажется, создана и призвана для того, чтобы воплотить ускользающую гармонию.

Среди ее ролей есть признанные шедевры. Чеховская Соня — земная, деревенская и полная поэзии, которая к смирению приходит через катастрофу; религиозность которой соединена с мистическими верованиями русского Серебряного века. Тургеневская Лиза Калитина сыгранная в движении судьбы, не монотонно-пе-

пример, в быстрой, живой, бабочкой летящей на огонь обманного блеска, переменчивой от радости к слезам тетке Агуевой у режиссера Петра Фоменко. Здесь Купченко точно чувствует жанр трагифарса. В малой роли открываются ее данные комедийной и характерной актрисы.

Не имеющая репутации интеллектуалки, не пишущая книг, не участвующая в дискуссиях, Купченко — одна из умных и культурных театральных актрис. Оттого содержательны и полны смысла ее небольшие роли. Оттого они стилистически безупречны, пронизаны чувством автора и исторической эпохи.

В том, что осталось от Долли в вахтанговской версии «Анны Карениной» (драматурга Михаила Рошина и режиссера Романа Виктюка), Купченко смогла дать истинно толстовский образ. Соединила смирение и страсть материнства, высокую религиозность, умное сердце, требовательную жизнь души. Фигура получилась в высшей степени привлекательная и законченная. Разве что более самостоятельная, «мыслящая»,

Ирина Купченко. Фото ИТАР-ТАСС

ально, «святошей», как у иных исполнительниц. В начале фильма Лиза — жизнерадостный подросток с ожиданием в глазах, тонкой шеей тянущаяся к счастью, к небесам. Купченко играет рождение и гибель женщины; гибельный русский максимализм. Всё помнится романсовый распева — дуэт Купченко и ослепительной красавицы Беаты Тышкевич — Варвары. Спор высокого и низкого голосов. Поединок за избранника, в котором победительницей оказывается скромнейшая, уже выбравшая монашество Лиза.

И княгиня Трубецкая в «Звезде пленительного счастья» режиссера Владимира Мотыля — из числа незабываемых. Эта бледная, большеглазая, с пленительной улыбкой, которая загорается и гаснет, Катерина Ивановна у Купченко — не русская француженка, как настоящая Катерина Лаваль. Она — русская, неколебимо верная и верующая, полная высокого женского достоинства, бесстрашия в эпизодах поединка с сибирским губернатором Цейдлером. Образ, созданный Купченко, в перенаселенном прекрасными актерскими работами фильме — стал средоточием духовной силы, светлой одухотворенности декабризма.

У Ирины Купченко та счастливая сценическая внешность, которая дороже правильной красоты. Как написал когда-то русский поэт начала века Вячеслав Иванов: «*Но мне всего дороже гений./ Разлитый в жизни Ваших глаз...*». У Купченко та внешность, которую хочется домысливать, «досочинять». Обещание тайны и печаль в славянской мягкости, женственности черт.

Очевидно, что в кино судьба ее состоялась с большим смыслом и блеском, чем в театре. Классические кинороли Купченко, роли на современном и несовершенном литературном материале дают почувствовать редкий и столь потребный нынешнему времени новой российской смуты трагедийный потенциал актрисы. (Какой надрыв, истерика, измученность души в финале фильма Никиты Михалкова «Без свидетелей»!.. И какое умиротворение и очищение...)

В Вахтанговском театре она не только на удивление мало сыграла, играет. Она — признанная, высокоценяемая как художник, как мастер — почти не играет больших, по дарованию положенных ей ролей. Однако сказать, что она больше киноактриса, чем актриса драматической сцены, несправедливо. Так много в ее ролях истинно театрального. На-

чем у Толстого. Но это — от актрисы и — неистребимо.

В эпизодической роли Инессы Арманд в «Брестском мире» драматурга Михаила Шатрова она сыграла интеллигентность и чистую совесть, европеизм и чело- вечность героини; сыграла запретное на советской сцене — женскую, земную любовь Арманд к фанату Ленину. Она показала качества, имевшие место у многих (не большинства) деятелей великой, страшной и кровавой русской Революции, начинавшейся возвышенным мечтанием. Те качества, которые оказались не нужны Революции и «вытоптаны» ею.

Но Купченко играет мало еще и оттого, что отказывается от ролей. Не может участвовать в том, что ей неинтересно, кажется плоским или фальшивым. Так неосторожно, из-за пьесы, которая не понравилась, отказалась участвовать в спектакле Петра Фоменко «Государь ты мой, батюшка...». Отказалась — и перестала быть актрисой выдающегося режиссера, союз с которым так обещающе, судьбоносно для нее начинался.

Максималистка, как большинство ее героинь. А годы идут, хоть и мало меняют актрису, пребывающую и сегодня в великолепной форме; все такую же изысканно хрупкую, теперь еще и строго элегантную, почти всегда в любимом черном цвете.

Сегодня Купченко снимается; собирается за океан на озвучание уже готового фильма и репетирует наконец в специально взятой для нее пьесе... Вот только бы вопросы не печала задавать, как говорливому режиссеру Леониду Хейфецу... Вахтанговка по школе, она привыкла к быстрому перемене из-за стола на сцену. А Хейфец все говорил и говорил о новой пьесе Иона Друцэ. И чем больше он говорил, тем меньше она понимала. Друцэ у вахтанговцев не случился.

Купченко слишком сильная и самостоятельная личность, чтобы давать ей школярские советы: не смиряться; и продолжать «по максимуму»; или — смиряться и идти на компромиссы, как делают и зачастую побеждают ее коллеги.

Но театру, думается, можно попенять... Имея в составе такую ценность, не стоит ли что-то «спланировать» специально для актрисы, быть рачительнее, бережливее к ней, не уметь ее ни требовать, ни просить. Ведь у художника одна жизнь и одна судьба.